

УДК 81'25(045)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-76-4-43-46

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА БАЛЛАДЫ Д. ЧОСЕРА «БЛАГОРОДСТВО»

канд. филол. наук А.А. СМУЛЬКЕВИЧ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В настоящей статье представлен пример анализа воспроизведения прагматического потенциала в рамках художественного перевода. В качестве материала изучения выбрана баллада «отца английской поэзии» Джеффри Чосера (1340–1400) «Благородство». Целью исследования является определение прагматической ценности профессиональных переводов баллады, выполненных Т.Ю. Стамовой и В.В. Роговым. Исследование опирается на терминологический аппарат и теорию уровней эквивалентности, предложенные В.Н. Комиссаровым. Так, для переводчиков невозможным оказалось достигнуть полной семантической, синтаксической эквивалентности и уровня способов описания ситуации из-за ограничений полной балладной формы (строгая схема рифмы, наличие рефрена). Из присутствующих в оригинале средств выразительности (кеннинги, метонимия, параллельные и вводные конструкции, назывное предложение) Т.Ю. Стамова передала кеннинг, а В.В. Рогов синтаксические параллельные конструкции, оба переводчика практически калькировали метонимию. Коммуникативная интенция автора оригинала была в основном передана переводчиками, коммуникативный эффект достигнут, но со стилиевым смещением: версия Т.Ю. Стамовой – строгое моральное наставление, общий тон в версии В.В. Рогова менее серьезный, чем в оригинале. Оба переводчика не передали такую важную культурно-историческую составляющую, как образ Праотца.

Ключевые слова: художественный перевод, коммуникативный эффект, прагматическая ценность, уровни эквивалентности по В.Н. Комиссарову, баллада Д. Чосера, перевод Т.Ю. Стамовой, перевод В.В. Рогова.

Введение. Наиболее важным показателем при оценке качества любого перевода является прагматический аспект: важно сохранить ту же языковую функцию и воспроизвести тот же прагматический потенциал, которыми обладает исходный текст. Художественный перевод считается более сложным, поскольку основная функция литературных произведений заключается в художественно-эстетическом воздействии на читателя. Адекватное воспроизведение коммуникативного эффекта оригинала достигается, если реципиент почувствует силу литературного таланта автора оригинала, поймет, почему у себя на родине он считается великим драматургом, писателем или поэтом [1, с. 220]. Единицей такого перевода является художественный образ, полноценная передача которого в поэтических произведениях еще более усложняется, если переводчик не обладает навыками анализа художественного текста и не стремится понять глубину идейного своеобразия автора, связать ее с культурно-историческими особенностями эпохи автора. К существенным изменениям текста перевода может привести стремление выполнить дополнительные прагматические задачи («сверхзадача»), степень соответствия которым называется прагматической ценностью перевода [1, с. 222]. Особым видом сверхзадачи является модернизация переводчиком оригинала, необходимость в которой возникает при диахронном межъязыковом переводе.

Учитывая уровень сложности, в качестве материала для анализа прагматического аспекта в рамках художественного перевода выбрано стихотворение «Благородство» (*Gentillesse*) Д. Чосера (*Geoffrey Chaucer*, 1340–1400), «отца английской поэзии». О значении перевода его произведений, как жемчужины мировой литературы, и неугасающем интересе к нему переводчиков пишут А.Х. Абдульманова и И.А. Лекомцева [2]. Изучение прагматики на примере малой поэтической формы поможет за счет компактности текста показать с большей наглядностью, как переводчик воспроизводит прагматический потенциал оригинала и какие ошибки он допускает. Такое исследование может внести вклад в развитие теории и практики перевода.

Цель данного исследования – определить прагматическую ценность двух профессиональных переводов баллады Д. Чосера «Благородство», опираясь на теорию уровней эквивалентности и способы прагматической адаптации, предложенные В.Н. Комиссаровым. Методология исследования включает анализ идейного содержания текстов переводов, используемых преобразований, выбора лексических соответствий, сохранения стилистических средств оригинала.

Основная часть. Для анализа прагматики были выбраны переводы В.В. Рогова (1930–2000) и Т.Ю. Стамовой (род. 1959), учитывая активную профессиональную переводческую и творческую деятельность. В.В. Рогов осуществлял не только переводческую (среди многочисленных работ переводы первых сонетов английского Ренессанса, стихотворений романтиков) и литературоведческую деятельность, но также сам сочинял поэтические произведения. Т.Ю. Стамова, кроме переводов (Э. Дикинсон, У. Блейк, Р. Геррик, Д. Мильтон и др., несколько стихотворений Д. Чосера), пишет стихотворения и прозу для детей.

«Благородство» относится к жанру баллады (по образцу французских баллад), которая представляет собой фиксированную по структуре и схеме рифмы поэтическую форму средневековой европейской литературы: три восьмистроочные строфы, включающие рефрен, заканчиваются полустрофой (*Lenvoi*), обращением к адресату [3, стб. 69]. Д. Чосер после экспериментальной работы вводит семистроочную «королевскую строфу» (*ababbcc*) и не всегда завершает баллады послем, часто отклоняется от традиционной любовной тематики, вводит философские размышления о мире и обществе, как в моральной балладе «Благородство».

Переводчик поэзии должен осознавать важность следования правилам жанровой формы. Т.Ю. Стамова и В.В. Рогов полностью сохраняют структуру оригинала (три семистрочные строфы с рефреном) и рифму «королевской строфы», и только В.В. Рогов обращает внимание на подзаголовок, ориентирующий читателя на общий тон баллады. Что переводчик и выносит в заглавие своей работы. В этом можно убедиться, обратившись к таблице 1, в которой для наглядности представлены тексты оригинала, дословного и двух вариантов художественного перевода «Благородства».

Таблица 1. – Дословный и художественные переводы оригинального текста баллады

Оригинальный текст	Дословный перевод ¹	Перевод Т.Ю. Стамовой	Перевод В.В. Рогова
<p>Gentillesse <i>Moral Balade of Chaucier</i></p> <p>The firste stok, fader of gentillesse – What man that desireth gentil for to be Must folowe his trace, and alle his wittes dresse Vertu to love and vyces for to flee. For unto vertu longeth dignitee And noight the revers, sauffy dar I deme, Al were he mytre, croune, or diademe.</p>	<p>Благородство <i>Моральная баллада Чосера/Шосье</i></p> <p>Прародитель, Отец благородства – Тот человек, который хочет благородным быть, Должен следовать по Его стопам и за всеми Его мыслями, Добродетель любить и пороки избегать. Потому как добродетели присуще благородство И не иначе, с уверенностью я осмеливаюсь полагать, Хотя бы и носил он митру, корону или диадему.</p>	<p>Благородство</p> <p>Кто благородным в мире хочет слыть, Тот сыну уподобится родному – Отцу во всем стараясь угодить, Заботливому, доброму, благому, Чтоб пользу принести ему и дому; Тот понести готов любое бремя, Будь в митре он, венце иль диадеме.</p>	<p>Благородство: нравоучительная баллада Шосье</p> <p>Первейший признак благородства в том, Что только тот исполнится им годеи, Кто служит правде сердцем и умом, Кто чист, кому гнусны соблазны сведен, Кому грехи мерзей любых уродин, – А без того он низмен и смешон, Будь венчан митрой иль короной он.</p>
<p>This firste stok was ful of rightwisnesse, Trew of his word, sobre, pitous, and free, Clene of his gost, and loved besinesse, Ayeinst the vyce of slouthe, in honestee; And, but his heir love vertu as dide he, He is noight gentil, thogh he riche seme, Al were he mytre, croune, or diademe.</p>	<p>Прародитель был наполнен добродетелью, Был честным, здравомыслящим, жалостливым и свободным, Его дух был чистым, Он не любил праздность, Был против греха лени, честно говоря; И, хотя его потомок любит добродетель, как и Он, Потомок не добродетельный, хотя и кажется богатым, Хотя бы и носил он митру, корону или диадему.</p>	<p>Кто на отца решился походить, Тот гонит чувств изнеженность и дрему И рад всем сердцем истину любить, Обычаю не потаякая злему. Ведь честь по чести воздают любому, А нечестивый презираем всеми, Будь в митре он, венце иль диадеме.</p>	<p>Род человеческий в былом благом Был трезв, правдив, благочестив, свободен, Отменно честен, поглощен трудом, Ему любой порок был неугодеи, А к благородству без того бесплоден Порыв – будь муж богатством наделён, Будь венчан митрой иль короной он.</p>
<p>Vyce may wel be heir to old richesse, But ther may no man, as men may wel see, Bequethe his heir his vertuous noblesse (That is appropred unto no degree But to the firste fader in magestee, That maketh hem his heyres that him queme), Al were he mytre, croune, or diademe. [4, p. 654]</p>	<p>Порок может быть наследником фамильного богатства, Но ни один человек, как люди могут убедиться, Не может оставить в наследство свое добродетельное благородство (Оно не принадлежит титулам, Но только прародителю в Его величии, Это заставляет Его потомка молить Его о нем), Хотя бы и носил он митру, корону или диадему.</p>	<p>Грех может унаследованным быть, Но не удастся мужу никакому С потомком честь и славу разделить. И тот лишь благ, кто служит Всеблагому, А кто завидовал добру чужому, Того отвергнет праведников племя, Будь в митре он, венце иль диадеме. [5, с. 572]</p>	<p>Но по наследству не передаем Сей дар – зато порок богатству сроден, Чему примеры многие найдем; Порой наследник с пращуром не сходен (Ведь «родовит» не значит «благороден»), И зрим, что благородства он лишён, Будь венчан митрой иль короной он. [6, с. 92]</p>

Следует отметить, что из-за выбранной Д. Чосером темы и тона баллады, а также необходимости отдать дань религиозной традиции структура баллады «Благородство» у поэта основывается на обыгрывании мотива родства Бога или Христа (Прародитель) и людей (потомок) и передачи по наследству материальных и духовных ценностей.

Первая и вторая строфы оригинала открываются упоминанием Прародителя, о важности молитв к которому лирический герой говорит в третьей строфе. Причем в первой строке стихотворения обращение к Отцу благородства в виде назывного предложения получилось оторванным и связано с остальной частью строфы

¹ Перевод наш. – А.С.

только местоимением «Его». Переводчики пытаются обойти этот момент по-разному и смещают акцент на способности достижения благородства. Т.Ю. Стамова старается сохранить мотив родства и вводит в первую строфу описание идеальных взаимоотношений абстрактных отца и сына. При кажущемся подобии ситуации – тот, кто хочет стать благородным, должен следовать за отцом, – в варианте Т.Ю. Стамовой акцент смещен с вселенской добродетели человечества на бранные заботы по дому. В.В. Рогов исключает образ Прародителя из баллады, заменяя его образом правды, которой нужно служить и сердцем, и умом (параллель со следованием за Праотцом по его стопам и за его мыслями). Общий призыв из оригинала любить добродетель и избегать пороки переводчик конкретизирует и передает антонимическим переводом (*Кто чист, кому гнусны соблазны своден, / Кому грехи мерзей любых уродин, – / А без того он низмен и смешон*). И, как и Т.Ю. Стамова, В.В. Рогов опускает описание связи между благородством и добродетелью, а также проявление «я» лирического героя (*saufly dar I deme*).

Во второй строфе оригинала описание добродетели Праотца подводит читателя к порицанию того, что потомок любит добродетель и кажется добродетельным, но на самом деле таковым не является. Т.Ю. Стамова дает советы, как походить на отца, но не подводит к подобному порицанию и указанию на то, что человек хочет казаться, но не быть по-настоящему благородным. Глубина мысли автора утеряна, заменена на обобщенные высказывания (*«Обычаю не потакая злему, / Ведь честь по чести воздают любому, / А нечестивый презираем всеми»*). В.В. Рогов во второй строфе образ Прародителя снова заменяет, в этот раз, на род человеческий (*«Род человеческий в былом благом»*). Получается какое-то ностальгирование, а не попытка пояснить, почему же человек больше не живет добродетельно. Примечательно стремление В.В. Рогова достигнуть большей семантической эквивалентности, поскольку он, в отличие от Т.Ю. Стамовой, чаще следует лексически за оригиналом и хотя бы упоминает про физический труд (*«поглощен трудом»*). Хотя Д. Чосер явно осуждает лень (*The firste stok ... loved besinesse, / Ayeinst the vyce of slouthe*).

В переводе Т.Ю. Стамовой образ Всеблагого появляется только в третьей строфе, но он искажен: ведь в оригинале призывают любить его, поступать добродетельно, как и он, молить его о добродетели, основе благородства, но не служить ему. К тому же в переводе отсутствует метко подмеченный автором разрыв между кажущимся, добытым посредством наследования титулов и богатства, и истинным благородством человека, данным свыше. У В.В. Рогова в третьей строфе единственный раз встречается мотив родственных отношений – наследник и пращур могут быть разными – с целью раскрытия идеи о том, что благородство нельзя передать по наследству, но утверждение о божественности его происхождения опущено переводчиком. Но он смог отразить элемент социальной критики из оригинала (*Ведь «родовит» не значит «благороден»*).

В соответствии с теорией В.Н. Комиссарова, тексты перевода можно считать эквивалентными на уровне цели коммуникации и указания ситуации коммуникации [1, с. 51–94]. На уровне способов описания ситуации переводчики не смогли равнозначно передать все дополнительные смыслы и идеи автора по причине ограничений жанровой формы баллады (строгая схема рифмы). Поэтому же невозможна и полная семантическая и синтаксическая эквивалентность.

Относительно средств выразительности следует отметить наличие в оригинале иносказательных описаний Бога или Христа (напоминающие англосаксонские кеннинги: *firste stok, fader of gentillesse, firste fader*), метонимии (под носящими митру, корону, диадему подразумеваются епископ, король, император) и особый синтаксис с параллельными конструкциями (*Must folowe his trace, and alle his wittes dresse / Vertu to love and vyces for to flee; This firste stok was ful of rightwinesse, / Trewe of his word, sobre, pitous, and free, / Clene of his gost*), отдельно стоящим подлежащим первой строки без сказуемого, вводными конструкциями: одни (*saufly dar I deme; in honestee*) призваны подчеркнуть субъективность высказываемого мнения, другая (*as men may wel see*) привлекает для обоснования утверждения жизненный опыт читателя.

Кеннинг (Всеблагой) использовала только Т.Ю. Стамова, тем самым приблизившись и идейно, и стилистически к оригиналу. Метонимию переводчики сохранили, передав ее синтаксическим уподоблением (Т.Ю. Стамова) и калькой с лексическим опущением и добавлением (В.В. Рогов). Параллельные синтаксические конструкции постарался использовать только В.В. Рогов (*Кто служит правде сердцем и умом, / Кто чист, кому гнусны соблазны своден, / Кому грехи мерзей любых уродин; Был трезв, правдив, благочестив, свободен, / Отменно честен, поглощен трудом*), причем они не всегда совпадают по строкам, но облегчают восприятие текста. Без вводных конструкций перевод Т.Ю. Стамовой можно охарактеризовать как сухое моральное наставление без проявлений личности лирического героя. Д. Чосер с помощью таких вставок старался разнообразить нравоучение, показать неуверенного лирического героя (что было частью средневековой литературной традиции), подстегнуть интерес читателя, побудить его к размышлениям, хотя бы и с помощью клише. Без этой составляющей невозможно добиться одинаковой реакции читателя перевода и оригинала. В.В. Рогову удается установить связь с читателем без сохранения вставок, но обращаясь к нему в третьей строфе с помощью глаголов в первом лице множественного числа (*не передаем, найдем, зрим*), что соответствует функции используемой Д. Чосером подобной вставки (*as men may wel see*).

Выбор лексических соответствий и следование стилю морального наставления помогает Т.Ю. Стамовой сохранить общий тон и коммуникативный эффект оригинала. В.В. Рогов сделал выбор в пользу синтаксической инверсии для большей художественной выразительности (*Будь венчан митрой иль короной он; Род человеческий в былом благом; А к благородству без того бесплоден порыв; Чему примеры многие найдем*). Однако выбор кратких причастий, наречия и прилагательных (*наделён, лишён, сроден, сходен, гнусны, годен, низмен, смешон, правдив,*

свободен, бесплоден) и стилистически окрашенной лексики (*своден, уродин*, прилагательное от глагола *мерзеть – мерзей*) делает тон баллады менее серьезным. Переводчик пытается сохранять возвышенный стиль такой лексикой, как «исполниться благородством», «венчан митрой», «прашур», но усеченные формы нивелируют его. Коммуникативный эффект перевода В.В. Рогова снижается.

Заключение. При анализе прагматического аспекта переводов Т.Ю. Стамовой и В.В. Рогова можно считать, что коммуникативная интенция и доминантная функция были переданы: удалось воспроизвести художественно-эстетическое воздействие, сохраняя балладную форму, рефрен, рифму; основная цель автора – обратить внимание читателя на истинное благородство и то, как его невозможно и можно приобрести, – была достигнута. Исключение главенствующей роли Прародителя из переводов, возможно, соответствует видению переводчиками коммуникативного эффекта оригинального текста для современного читателя: религиозная составляющая моральных произведений для него, в отличие средневекового реципиента, не находится на первом месте. Поэтому переводчики применили такие способы прагматической адаптации, как модернизация исходного текста и его упрощение за счет таких приемов, как опущение и добавление, и таких преобразований, как конкретизация (*desireth – слыть; исполниться*), генерализация (*Must folowe his trace, and alle his wittes dresse – Отцу во всем стараясь угодить; Кто служит правде сердцем и умом*), модуляция (*and loved besinesse, Ayeinst the vyce of slouthe – Тот гонит чувств изнеженность и дрему; поглощен трудом*). Прагматическая ценность переводов баллады Д. Чосера «Благородство» Т.Ю. Стамовой и В.В. Рогова оценивается как средняя, поскольку не все цели и идеи автора получилось передать. Переводчики не стремились выполнить такую задачу, как сохранение структуры оригинала для акцентирования образа Прародителя, который является неотъемлемым элементом культуры английского Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
2. Абдульманова А.Х., Лекомцева И.А. Творческое наследие Джеффри Чосера и его русские переводы в контексте мировой культуры // *Litera*. – 2018. – № 4. – С. 259–265. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28242.
3. Гаспаров М.Л. Баллада // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 69.
4. Chaucer G. *Gentilesse* // *The Riverside Chaucer*. Third edition. Benson, Larry D., ed. Based on *The Works of Geoffrey Chaucer* Edited by F.N. Robinson. – Boston, MA.: Houghton Mifflin, 1987. – P. 654.
5. Чосер Д. Благородство // *Кентерберийские рассказы. Джеффри Чосер* / подг. А.Н. Горбунов, В.С. Макаров; отв. ред. А.Н. Горбунов. – М.: Наука, 2012. – С. 572.
6. Чосер Д. Благородство: нравоучительная баллада Шосье (пер. В.В. Рогова) // *Семь веков английской поэзии: в 3 кн.* / сост. Е. Витковский. – М.: Водолей Publishers, 2007. – Кн. 1. – С. 92.

Поступила 14.06.2025

PRAGMATICS OF G. CHAUCER'S "GENTILESS" BALLADE TRANSLATION

A. SMULKEVICH

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The present article provides an example how to analyse reproduction of pragmatic potential within literary translation. The ballade Gentilesse by Geoffrey Chaucer (1340–1400), “the father of English poetry”, serves as the sample material. The purpose of the study undertaken is to determine the pragmatic value of the ballade professional translations by T.Yu. Stamova and V.V. Rogov. The research exploits the terminology and equivalence level theory proposed by V.N. Komissarov. Thus, it turned out for the translators to be impossible to reach complete semantic, syntactic equivalence and the level of situation description means due to the limits of the ballade (rigid rhyme scheme, the refrain). The translators did not reproduce all of the original stylistic devices (kennings, metonymy, parallel syntactic and parenthetical constructions, a nonverbal sentence), except metonymy (both through calquing), a kenning (by T.Yu. Stamova), and parallel syntactic constructions (by V.V. Rogov). Communicative intention of the author was in general transferred, the communicative effect was reached, although with the shift in the speech style: T.Yu. Stamova’s version is a strict moral teaching, general tone of V.V. Rogov’s version is less serious than that of the original. Both translators did not manage to convey such essential cultural and historic element as the Forefather’s image.

Keywords: *literary translation, communicative effect, pragmatic value, equivalence levels according to V.N. Komissarov, G. Chaucer’s ballade, T.Yu. Stamova’s translation, V.V. Rogov’s translation.*